

Цзянь Цянь и актёр, исполнявший роль высокомерного президента, неспешно шли по улице, усыпанной листвой платанов. Вдоль тротуара по рельсам рабочие толкали тележку с оператором, а следом, чуть в стороне, двигался Юй Тао. В руках он держал сценарий, внимательно следя за игрой актёров и в нужный момент вполголоса произнося реплики.

Менеджер Чжан Сяопан, семенивший рядом, едва не выронил челюсть от изумления. Неужели у Юй Тао настолько феноменальная память? Стоило ему лишь раз взглянуть на страницу, и он заучивал текст назубок. Он попадал в артикуляцию «президента» так точно, будто читал его мысли, даже не заглядывая в сценарий.

Глядя на Юй Тао, Сяо Пан больше не чувствовал ни капли зависти. В его душе росло лишь благоговение. Как только сцена была снята, менеджер засуетился вокруг него так же преданно, как вокруг Цзянь Цяня, уверяя, что исполнит любое его поручение, стоит только попросить.

Пока режиссёр отсматривал материал, актёрам дали короткую передышку. Цзянь Цянь подошёл к старшему брату и с весёлой усмешкой спросил:

— Ну как тебе?

Юй Тао озадаченно приподнял бровь:

— О чём ты?

— О чувстве сопричастности. Ты ведь теперь тоже участвуешь в съёмках сериала, — пояснил Цзянь Цянь.

Юй Тао лишь равнодушно пожал плечами:

— Твоё телевидение не вызывает у меня ровным счётом никаких чувств.

— Тогда зачем согласился помочь с озвучкой? — искренне удивился Цзянь Цянь.

— А разве плохо, что я решил твою проблему? — парировал Юй Тао. — Или тебе больше хотелось, чтобы они и дальше тратили время впустую?

— Да они ведь не нарочно, — мягко возразил Цзянь Цянь. — В кино редко когда всё идёт гладко, трудности — часть процесса, к ним нужно быть готовым.

Юй Тао усмехнулся:

— Это-то верно, но я что-то не заметил, чтобы они горели желанием эти трудности преодолевать. Режиссёр ещё куда ни шло, пытается что-то придумать, а вот тот актёр...

— Кхм-кхм, — Цзянь Цянь намеренно перебил его, покосившись на рабочих неподалёку. — Не стоит так говорить. Все здесь стараются в меру сил.

Юй Тао уловил предостережение, но остался при своём:

— Тот, кто не тянет, не должен браться за дело. А тот, кто может, обязан вмешаться. Раз я способен это исправить, я это сделаю.

Цзянь Цянь подсел поближе и, почти касаясь лица старшего брата, прошептал:

— И всё же... зачем растрачивать на это силы? Твоя культивация стоит куда дороже этого пустяка.

— Растрачивать? — Юй Тао смерил его ироничным взглядом. — Посмотри на себя: ты сидишь и отдыхаешь. Разве это не стоит потраченных усилий?

Услышав это, Цзянь Цянь просиял. Он окончательно убедился: Юй Тао печётся о его покое. Он почувствовал радостное предвкушение — неужели старший брат начал к нему теплеть? Наверняка так и есть, просто не признаётся, а подсознание выдаёт его чувства.

— Хм, — Юй Тао заметил его довольную мину и добавил: — Ты порой так беспомощен перед лицом мелких неурядиц, что у меня руки чешутся. Если я не буду решать такие вопросы, какой из меня старший брат?

Цзянь Цянь замялся. Ему было лестно внимание, но роль вечно опекаемого младшего шиди, который ни с чем не может справиться сам, немного задевала самолюбие. Казалось, Юй Тао только и рад лишний раз подчеркнуть своё превосходство. Цзянь Цянь чувствовал лёгкую горечь: то ли о нём действительно заботятся, то ли просто наслаждаются ролью всемогущего покровителя.

Впрочем, сам Юй Тао вряд ли смог бы ответить на этот вопрос. Для него в этом и заключался смысл пребывания здесь — наводить порядок там, где Цзянь Цянь пасовал.

Чжан Сяопан, не понимая сути их разговора, держался на почтительном расстоянии. Когда они закончили беседу, он подошёл ближе и отрапортовал:

— Брат Цзянь, помощник режиссёра сказал, что о помощи Юй Тао сообщает в агентство. Гонорар ему обязательно выплатят, обиженным не останется.

Юй Тао нахмурился: неужели они думают, что он старается ради денег? Но тут же рассудил — любой труд в этом мире должен быть оплачен. Таковы здешние правила.

— Отдай эти деньги Цзянь Цяню, — бросил он. — Мне их тратить не на что.

Сяо Пан удивлённо моргнул, пробормотав:

— Как это не на что... всегда найдётся...

Разговор прервали: начинались съёмки следующей сцены. На этот раз в кадре должны были появиться сразу трое: Цзянь Цянь, Жун Вэньлинь и «президент».

Юй Тао встал рядом с площадкой. Пока шла подготовка, он ещё раз пробежал глазами сценарий, запоминая все предстоящие реплики. Задача была элементарной. Окружающие то и дело косились на него с любопытством — слухи о его таланте мгновенно разлетелись по группе. Но он, как обычно, хранил невозмутимость, словно стена, о которую разбивались любые взгляды.

Когда прозвучала команда «Мотор!», Юй Тао мгновенно преобразился. Он встал чуть позади актёра-президента, так, чтобы видеть его мимику и одновременно следить за Цзянь Цянем. Он стал тенью, чьё единственное предназначение — давать этой тени голос.

На площадке воцарилась тишина. Юй Тао заговорил, и все присутствующие невольно затаили дыхание. У рабочих возникло странное чувство: актёр в кадре явно не дотягивал до того голоса, что звучал за кадром. Он не переигрывал, он просто идеально чувствовал роль, и на его фоне фальшь «президента» стала очевидной.

Сцена была драматичной: герой Жун Вэньлиня — простой технарь — напился с горя из-за Нуан-Нуан. Владелец бара выставил его за дверь и вызвал друга — «теплого парня», которого играл Цзянь Цянь. И вот, когда тот тащил пьяного приятеля на себе, им на пути встретился «президент».

Президент только что вышел от Нуан-Нуан в прекрасном расположении духа, и встреча с соперниками явно не входила в его планы. Цзянь Цянь, нагруженный пьяным другом, выглядел жалко, но, как и полагалось «теплому парню», встретил враждебность соперника мягкой, обезоруживающей улыбкой.

Юй Тао, наблюдая за игрой младшего брата, ловил себя на странном раздражении. Он никак не мог понять: почему Цзянь Цянь должен улыбаться тому, кто его презирает? Будь это в их родном мире, он либо заставил бы этого наглеца исчезнуть, либо выбил бы из него всякую враждебность.

Но работа есть работа. Глядя на Цзянь Цяня, Юй Тао произносил ядовитые слова президента,

хотя в душе чувствовал лишь несправедливость происходящего.

Многие в съёмочной группе, читавшие первоисточник, считали «теплого парня» бесхребетным персонажем — эдаким «всеобщим обогревателем», который добр ко всем без разбору. Однако в исполнении Цзянь Цянь герой преобразился. В нём не было скрытых мотивов или жажды одобрения. Это была чистая, искренняя доброта. Он помогал президенту не ради выгоды, Нуан-Нуан — не ради любви, а технарю — не из чувства долга. Он просто не мог иначе.

Раньше и Юй Тао, и Тао Фэй сомневались, стоит ли Цзянь Цяню браться за эту роль. Теперь же он понял, что недооценил брата. Тот вдохнул жизнь в плоский книжный образ.

Кульминация сцены наступила, когда пьяный технарь выдал «сюрприз» — его стошнило прямо на ботинки и брюки президента и «теплого парня». Президент окончательно вышел из себя, посчитав, что встреча с этой парочкой приносит одни несчастья. Голос Юй Тао в этот момент звучал настолько ледяным и полным брезгливости, что казалось, между героями не осталось и капли человеческого сочувствия.

— Стоп! Снято! — крикнул режиссёр.

Все выдохнули. Сцена с рвотой (для которой использовали обычную белую рисовую кашу) получилась с первого дубля. Повторять такое не хотелось никому — ни персоналу, ни уж тем более актёрам.

Юй Тао мгновенно оказался рядом с Цзянь Цянем. Он помог ему снять испачканный пиджак и накинул на плечи полотенце, тщательно вытирая капли каши.

Жун Вэньлинь рассыпался в извинениях, мол, не рассчитал напор. Режиссёр, напротив, был в восторге: реализм превзошёл ожидания. Цзянь Цянь лишь отмахивался с улыбкой, а вот «президент», не говоря ни слова, пулей улетел в свою «машину-няню». Он даже не стал переодеваться в гримёрке — просто сбросил костюм костюмеру и велел водителю гнать прочь со студии. Его рабочий день был закончен.

Цзянь Цяню и Жун Вэньлиню предстояло снять последний кадр на этой улице, но сначала нужно было сменить одежду.

Юй Тао ждал у входа в костюмерную. Он думал о том, что в прежние времена Цзянь Цянь сменил бы наряд за долю секунды, просто пожелав этого. Теперь же им приходилось тратить время, чтобы казаться «нормальными» в глазах смертных.

Небо начало светлеть. Часы показывали три часа ночи — время, когда человеческая усталость достигает предела. Чжан Сяопан уже сидел в углу, мерно кляня носом.

Юй Тао озадаченно замер. «Нужно ли и мне притвориться измождённым? — размышлял он. —

Стоит ли имитировать сонливость, чтобы сойти за обычного человека?» Эта необходимость постоянно притворяться обывателем начинала его всерьёз утомлять.

<http://bllate.org/book/17551/1713170>